

УДК 314.15 (470.343:345)

А. В. Мартыненко, О. В. Орлова

**ЛАТЕНТНАЯ МИГРАНТОФОБИЯ
В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ:
НА МАТЕРИАЛАХ МАРИЙ ЭЛ И МОРДОВИИ¹**

В статье проанализированы особенности общественного восприятия иностранной трудовой миграции в современной России, выявленные в ходе социологического опроса, проведенного авторами в Республике Марий Эл и Республике Мордовия (сентябрь – октябрь 2020 г.) в рамках Программы фундаментальных и прикладных исследований по теме «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» (2020–2022 гг.).

Будучи явлением глобального порядка, процессы миграции имеют свою специфику в разных регионах мира. Так, широкую известность получила неблагоприятная миграционная ситуация в странах Западной Европы, характеризующаяся так называемым «кризисом мультикультурализма». Принципиально иная ситуация в России, где основным источником трудовой миграции являются государства, ранее входившие в состав СССР на правах союзных республик. При наличии проявлений мигрантофобии (латентной или открытой) в большинстве российских регионов, миграционная ситуация для нашей страны все же не имеет такого критического и острого характера. В значительной степени ее особенности можно проследить на примере отдельных субъектов РФ.

Проведенный авторами статьи опрос показал, что значительная часть респондентов рассматривает мигрантов как угрозу экономической безопасности исследуемых регионов. Наиболее эффективными управленческими мерами по предупреждению этнополитических и межэтнических конфликтов, связанных с миграцией, являются поддержка национально-культурных объединений, межведомственная и межуровневая координация в сфере реализации государственной национальной политики, включая профилактику экстремизма и раннее предупреждение конфликтов, равно как и постоянный мониторинг этнополитической сферы и межнациональных отношений.

Ключевые слова: миграция, миграционная привлекательность, мигрантофобия, ксенофобия, экстремизм, мониторинг, национальная политика.

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-4-700-706

Процессы и проблемы трудовой миграции носят глобальный характер, поэтому их значение трудно переоценить, о чем, в частности, пишут австралийские исследователи С. Кастлз и Р. Вайс: «Миграция является важным фактором, приводящим к фундаментальным социальным преобразованиям... Миграция является интегральной частью как глобализации, так и социальной трансформации мировых сообществ» [Castles, Wise 2008, 6]. Миграция порождает новые вызовы и проблемы, взаимосвязанные и одновременно вступающие друг с другом в про-

¹ Статья подготовлена по Программе фундаментальных и прикладных научных исследований Минобрнауки России во исполнение Поручения Президента РФ от 16.01.2020 г. Пр-71. «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг.

тиворечие: «Люди все чаще спорят о проблемах в странах Европы и за ее пределами, вызванных миграцией... Но при этом мало говорится о последствиях миграции для стран, которые мигранты покидают, уменьшая население» [Zieba 2008, 9].

С другой стороны, процессы миграции имеют свою специфику в разных регионах мира. Так, широкую известность получила миграционная ситуация в странах Западной Европы, существенно изменившаяся в последние десятилетия. Немецкие исследователи М. Боммес, Х. Фассман, В. Сиверс пишут по данному поводу: «Но откуда будет черпать для себя запасы мигрантов Европейский Союз? Восточная Европа, ставшая после падения «железного занавеса» традиционным источником трудовой миграции для Европы Западной, не сможет заполнить этот пробел в долгосрочной перспективе по трем причинам. Большинство стран данного региона в настоящее время являются членами ЕС, а их экономики догоняют Западную Европу, в некоторых случаях со стремительной скоростью. Наконец, что не менее важно, их население, как и в Западной Европе, снижается из-за падения рождаемости... Совсем другая ситуация на Ближнем Востоке и в Северной Африке, в странах, которые граничат с Европой на юге и юго-востоке, где местные рынки труда не могут предложить работу молодому, быстро растущему и хорошо образованному населению» [Bommes, Fassmann, Siewers 2014, 17]. Итог этого процесса, в значительной степени усиленный «арабской весной», известен – кризис мультикультурализма и острый миграционный кризис в Европе.

Принципиально иная ситуация в России, где основным источником трудовой миграции являются государства, ранее входившие в состав СССР на правах союзных республик. В первую очередь, это страны Средней Азии, хотя Россия остается привлекательным работодателем для мигрантов с Украины, из Молдовы и Беларуси, на что, в частности, указывают польские социологи М. Ярошевич и М. Лесинская [Jaroszevicz, Lesinska 2014, 10]. Историческое наследие Российской империи и Советского Союза в значительной степени сказывается и на восприятии миграции в российском социуме. В. А. Тишков отмечает: «К группе крупных российских народов относятся и те, у кого формально за пределами России существует давняя или сравнительно недавно оформившаяся государственность, но которые проживают в нашей стране издавна и постоянно, имеют гражданство и в большинстве своем интегрированы в российский социум» [Тишков 2021, 259–260]. К числу таких народов относятся и те, «чьи государства» поставляют России рабочую силу – украинцы, белорусы, армяне, азербайджанцы, узбеки, таджики, казахи, киргизы. При этом Россия относится к группе стран, привлекательных для миграции, которую характеризуют мощные миграционные потоки и важная роль иностранной рабочей силы в экономике [Scipioni., Urso 2017, 17].

При наличии проявлений мигрантофобии (латентной или открытой) в большинстве российских регионов, миграционная ситуация для нашей страны все же не носит такого критического и острого характера. В значительной степени ее особенности можно проследить на примере отдельных субъектов РФ.

Так, в сентябре – октябре 2020 г. авторы данной статьи провели опрос населения в столицах Республики Марий Эл и Республики Мордовия – Йошкар-Оле и Саранске (по 300 респондентов в каждом городе). Данный опрос был проведен в рамках Программы фундаментальных и прикладных исследований по теме «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» (2020–2022 гг.). Опрос затрагивал широкий спектр этнокультурных и этнополитических проблем. В частности, ряд вопросов был призван выявить общественные настроения в отношении трудовой миграции. На актуальность этой проблематики, в частности, указывает В. В. Степанов: «Изучать проблемы миграции необходимо для прогнозирования межнациональных отношений, для заблаговременного предупреждения конфликтов на этнической и религиозной почве» [Степанов 2019, 112].

При наличии определенной специфики, ситуация с мигрантами в двух указанных поволжских республиках схожа. Республика Марий Эл не является экономически привлекательным

регионом для трудовых мигрантов. То же самое можно сказать и о Республике Мордовия, правда, с оговоркой о том, что финансирование данного субъекта в связи с проведением на его территории Чемпионата мира по футболу в 2018 г. несколько стимулировало прибытие иностранной рабочей силы. С другой стороны, как и в Марий Эл, в Мордовии весьма развита учебная и академическая миграция из многих стран мира.

Однако, несмотря на указанную выше ситуацию, значительная часть респондентов в обеих республиках выразила негативное отношение к прибытию мигрантов: 42% участников опроса в Марий Эл и 43% в Мордовии отметили, что мигранты могут повлиять на общественно-политическую ситуацию в регионах России «скорее отрицательно». Однозначно отрицательное влияние обозначили 22% респондентов в Марий Эл и 13% в Мордовии. Таким образом, отрицательное отношение к иностранной трудовой миграции характерно для 64% респондентов в Марий Эл и для 58% в Мордовии, то есть в обеих республиках превышает половину участников опроса. Соответственно, о положительном влиянии мигрантов высказалось значительно меньше респондентов («положительно» – по 3% и в Марий Эл, и в Мордовии, «скорее положительно» – 12% в Марий Эл и 5% в Мордовии).

Значительное число респондентов убеждено, что следует ограничить въезд в Россию мигрантов из стран Средней Азии (49% в Марий Эл и 28% в Мордовии). Ограничить въезд из Закавказья предлагают 46% респондентов в Марий Эл и 23% в Мордовии. Из Украины ограничить въезд предлагают 39% в Марий Эл и 10% в Мордовии. Из других стран предлагают ограничить въезд 40% респондентов в Марий Эл и только 5% в Мордовии. В то же время 23% респондентов в Марий Эл и 28% в Мордовии считают, что ограничения на въезд мигрантов не нужны.

Таким образом, очевидно, что значительная часть респондентов рассматривает мигрантов как угрозу экономической безопасности данных регионов. В качестве аргумента обычно выдвигается тезис о «дешевизне» труда мигрантов, благодаря чему они якобы имеют большие шансы получить работу, чем местные, которым «надо платить больше». Традиционно раздражение этой части респондентов вызывает многолетняя, берущая начало с советских времен, торговля, которую ведут выходцы с Закавказья и из Центральной Азии на местных рынках, особенно продуктовых. Имеет место и некое брезгливое отношение к мигрантам как источнику инфекционных заболеваний, страх заразиться от них.

Но, с другой стороны, в случае возникновения каких-либо уличных акций, направленных против мигрантов, их не готово поддержать большинство респондентов в обеих республиках – 63% в Марий Эл и 69% в Мордовии. Население Марий Эл и Мордовии не выказывает готовности к агрессивным действиям в отношении мигрантов. Последнее, по мнению авторов статьи, свидетельствует о латентном характере мигрантофобии в рассматриваемых регионах [см. также: Воронцов 2019, 353–358; Воронцов, Мартыненко, Орлова, Шабаев 2019, 653–663].

Свою негативную роль в культивировании мигрантофобских настроений играют и известные представления о якобы предрасположенности мигрантов к совершению уголовных преступлений. Отчасти такие настроения провоцируются региональными СМИ и связанными с республикой интернет-ресурсами, которые в своих материалах на криминальную тему зачастую излишне акцентируют внимание на этническом происхождении преступников, формируя в общественном сознании своеобразный «язык вражды»: «Так, например, указание в новостных сообщениях на то, что преступление совершено мигрантом, поддерживает стереотип «Все мигранты – преступники». Если аналогичное преступление совершается местным жителем, как правило, не делается акцент на его гражданстве, национальности и вероисповедании. В то же время в СМИ активно используются высказывания «мигранты-мусульмане», обороты с указанием национальности или страны происхождения мигранта («мигрант-таджик», «мигрант-узбек»...)» [Сычев, Коваль, Жадунова 2018, 810].

При этом негативные, агрессивные и враждебные выпады в адрес мигрантов на страницах местных газет, как правило, основываются на убеждении в том, что миграция несет в себе угро-

зу для целостности и безопасности принимающего социума. Речь здесь может идти об угрозе как личной, так и коллективной безопасности. В последнем случае подразумеваются опасения, связанные с возможностью возникновения диаспор, районов компактного проживания мигрантов, некомфортных и опасных для местного населения.

Кроме того, у местного населения существуют страхи по поводу проникновения вместе с мигрантами эмиссаров и боевиков террористических группировок, разного рода «спящих ячеек», подрывная деятельность которых направлена как на раскол в региональном мусульманском сообществе (умме), так и на общую дестабилизацию. О так называемой «салафитской» разновидности экстремизма написано бескрайнее море работ, поскольку данный феномен в последние десятилетия принял формы глобальной угрозы. Французский философ Жорж Корм характеризует его как «мусульманский закрытый национализм нового типа», который «в интеллектуальном плане способен на немалую агрессивность» [Корм 2006, 253]. К сожалению, бесконечная кровавая череда терактов во многих странах мира, включая Россию, свидетельствует о том, что данное опасное явление не ограничивается только «интеллектуальной агрессивностью». В частности, салафитский экстремизм заявил о себе в 1990–2010-е гг. как в Мордовии [Martynenko, Shilov 2006, 29–30; Martynenko 2015, 57–59; Мартыненко 2020, 240–246], так и в Марий Эл [Сулейманов 2021]. В целом, противодействие салафитскому экстремизму может быть эффективным в случае реализации широкого комплекса мер, включающего в себя не только силовое подавление террористов, но и продуманную социально-экономическую и культурно-просветительскую политику [Мартыненко, Надькин, Грачёва, Корякова 2021, 132–133]. В том числе – в среде иностранных трудовых мигрантов.

В связи со сказанным выше, чрезвычайно важным представляется совершенствование механизмов адаптации и интеграции мигрантов: «Формы и методы работы с мигрантами должны учитывать специфику миграционных потоков и особые условия регионов. Для научно-методического обеспечения такой деятельности целесообразно поддержать научные разработки в форме государственного задания ведущим научным центрам в каждом регионе» [Воронцов, Мартыненко, Орлова 2021, 169–170]. Наиболее эффективными управленческими мерами по предупреждению этнополитических и межэтнических конфликтов, связанных с миграцией, являются поддержка национально-культурных объединений, межведомственная и межуровневая координация в сфере реализации государственной национальной политики, включая профилактику экстремизма и раннее предупреждение конфликтов, равно как и постоянный мониторинг этнополитической сферы и межнациональных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

- Воронцов В. С. О мониторинге миграционной и этнической ситуации в Приволжском федеральном округе // Измерение культурного многообразия. Языковая ситуация, переписи, полевая этностатистика. Москва: ИЭА РАН, 2019. С. 353–358.
- Воронцов В. С., Мартыненко А. В., Орлова О. В. Марий Эл, Мордовия, Удмуртия: современная этноконфессиональная ситуация: монография. Йошкар-Ола, 2021. 292 с.
- Воронцов В. С., Мартыненко А. В., Орлова О. В., Шабаетов Ю. П. Проблемы общественного восприятия миграции населением финно-угорских республик России (на материалах Марий Эл, Мордовии, Коми, Удмуртии) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13. Вып. 4. С. 653–663.
- Корм Ж. Религиозный вопрос в XXI веке. Геополитика и кризис постмодерна. Москва, 2012. 288 с.
- Мартыненко А. В. Проблема религиозного радикализма на территории Республики Мордовия // Евразийский перекресток. Оренбург, 2020. С. 240–246.
- Мартыненко А. В., Надькин Т. Д., Грачева Е. З., Корякова И. К. Образы ненависти. Экстремизм в современном мире. Саранск, 2021. 161 с.
- Степанов В. В. О необходимости мониторинга общественного восприятия миграции и мигрантов в регионах России // Миграционные процессы: вызовы современности: материалы экспертной площадки «Миграционные процессы: вызовы современности», Йошкар-Ола, 15 ноября 2018 г. / под ред. О. В. Орловой. Йошкар-Ола, 2019. С. 112–117.

Сулейманов Р. Р. Зарубежное влияние на мусульман Республики Марий Эл: исламские течения и группы. Йошкар-Ола. 2021. 58 с.

Сычёв А. А., Коваль Е. А., Жадунова Н. В. Проблема классификации языка вражды в отношении мигрантов (на примере Республики Мордовия) // Регионология. 2018. Т. 26. № 4. С. 798–815.

Тишков В. А. Национальная идея России. Российский народ и его идентичность. Москва, 2021. 416 с.

Bommes M., Fassmann H., Siewers W. Migration from the Middle East and North Africa to Europe. Amsterdam, 2014. 287 p.

Castles S., Wise R. Migration and Development: Perspectives from the South. Geneva, 2008. 314 p.

Jaroszevicz M., Lesinska M. Forecasting migration between the EU, V4 and Eastern Europe. Warsaw, 2014. 230 p.

Martynenko A. Salafits in the Republic of Mordovia as Challenge to Russian Identity: Myths and Reality (to the presenting of the problem) // Materials of the XI International Scientific and Practical Conference “Proceedings of Academic Science – 2015”. Vol. 3. Sheffield: Science and Education Ltd. 2015. P. 57–59.

Martynenko A., Shilov N. Islamic Radicalism in Volga Region: Myth or Reality? // Lo Straniero. Naples / Italy. 2006. № 43. P. 29–30.

Scipioni M., Urso G. Migration Policy Indexes. Ispra (Italy). 2017. 54 p.

Zieba M. Migration – a challenge to the 21st Century. Lublin. 2008. 201 p.

Поступила в редакцию 19.08.2021

Мартыненко Александр Валентинович,

доктор исторических наук, профессор,
Мордовский государственный педагогический
университет им. М. Е. Евсевьева,
430007, Россия, г. Саранск, ул. Студенческая, 11 А,
e-mail: arkanaddin@mail.ru

Орлова Ольга Викторовна,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Марийский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории имени В. М. Васильева,
424036, Россия, г. Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, 44,
e-mail: marsoc_orlova@mail.ru

A. V. Martynenko, O. V. Orlova

**LATENT MIGRANTOPHOBIA IN REGIONAL DIMENSION:
ON THE MATERIALS OF MARI EL AND MORDOVIA**

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-4-700-706

The article analyzes the features of public perception of foreign labor migration in modern Russia, identified in the course of a sociological survey conducted by the authors of the article in the Republic of Mari El and the Republic of Mordovia. As a phenomenon of a global order, migration processes have their own specifics in different regions of the world. Thus, the migration situation in the countries of Western Europe, characterized by the so-called “crisis of multiculturalism”, has become widely known. The situation is fundamentally different in Russia, where the main source of labor migration is the states that were previously part of the USSR as union republics. In the presence of manifestations of migrant-phobia (latent or open) in most Russian regions, the migration situation for our country still does not have such a critical and acute character. To a large extent, its features can be traced to the example of individual subjects of the Russian Federation. In September – October 2020, the authors of this article conducted a survey of the population in the Republic of Mari El and the Republic of Mordovia. This survey was conducted within the framework of the Program of Fundamental and

Applied Research on the topic “Ethnocultural Diversity of Russian Society and Strengthening the All-Russian Identity” (2020–2022). The survey showed that a significant part of the respondents view migrants as a threat to the economic security of the regions under consideration. The most effective management measures to prevent ethnopolitical and interethnic conflicts associated with migration are support for ethnic and cultural associations, interdepartmental and inter-level coordination in the implementation of state national policy, including the prevention of extremism and early warning of conflicts, as well as constant monitoring of the ethnopolitical sphere and interethnic relationships.

Key words: migration, migration attractiveness, migrantophobia, xenophobia, extremism, monitoring, national policy.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2021, vol. 15, issue 4, pp. 700–706. In Russian.

REFERENCES

Voroncov V. S. O monitoring migracionnoi i etnicheskoi situacii v Privolzhskom federal'nom okruge [On monitoring the migration and ethnic situation in the Volga Federal District]. *Izmerenie kul'turnogo mnogoobraziya. Yazykovaya situatsiya, perepisi, polevaya etnostatistika* [Measuring cultural diversity. Linguistic situation, censuses, field ethnostatistics]. Moscow: IEA RAS Publ. 2019. P. 353–358. In Russian.

Vorontsov V. S., Martynenko A. V., Orlova O. V. *Mari El, Mordovia, Udmurtia: sovremennaya etnokonfessionalnaya situatsiya* [Mari El, Mordovia, Udmurtia: modern ethno-confessional situation]: monograph. Yoshkar-Ola. 2021. 292 p. In Russian.

Vorontsov V. S., Martynenko A. V., Orlova O. V., Shabaev Yu. P. Problemy obshchestvennogo vospriyatiya migratsii naseleniyem finno-ugorskikh respublik Rossii (namaterialakh Mariy El, Mordovii, Komi, Udmurtii) [Problems of public perception of migration by the population of the Finno-Ugric republics of Russia (based on materials from Mari El, Mordovia, Komi, Udmurtia)]. *Yezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*. 2019. Vol. 13. Issue 4. P. 653–663.

Korm J. *Religiozniy vopros v XXI veke. Geopolitika i krizis postmoderna* [Religious question in the XXI century. Geopolitics and the Postmodern crisis]. Moscow. 2012. 288 p. In Russian.

Martynenko A. V. Problema religioznogo radikalizma na territorii Respubliki Mordoviya [The problem of religious radicalism on the territory of the Republic of Mordovia]. *Evrasiyskii perekryostok*. Orenburg. 2020. P. 240–246. In Russian.

Martynenko A. V., Nad'kin T. D., Grachova E. Z., Koryakova I. K. *Obrazy nenavisty. Ekstremizm v sovremennom mire* [Images of hate. Extremism in the modern world]. Saransk. 2021. 161 p. In Russian.

Stepanov V. V. O neobhodimosti monitoring obshchestvennogo vospriyatiya migratsiy i migrantov v regionah Rossii [On the need to monitor public perception of migration and migrants in the regions of Russia]. *Migratsionnyye protsessy: vyzovy sovremennosti: materialy ekspertnoi ploshchadki “Migratsionnyye protsessy: vyzovy sovremennosti”*. Yoshkar-Ola. 15 noyabrya 2018 / edited by O. V. Orlova. Yoshkar-Ola. 2019. P. 112–117. In Russian.

Suleymanov R. R. *Zarubezhnye vliyaniye na musul'man Respubliki Mariy El: islamskiye techeniya i gruppy* [Foreign influence on Muslims of the Republic of Mari El: Islamic trends and groups.]. Yoshkar-Ola. 2021. 58 p. In Russian.

Sychov A. A., Koval' Ye. A., Zhadunova N. V. Problema klassifikatsii yazyka vrazhdy v otnoshenii migrantov (na primere Respubliki Mordoviya) [The problem of classification of hate speech towards migrants (on the example of the Republic of Mordovia)]. *Regionologiya*. 2018. Vol. 26. № 4. P. 798–815. In Russian.

Tishkov V. A. *Natsional'naya ideya Rossii. Rossiyskii narod i ego identichnost'* [National idea of Russia. The Russian people and the iridentity]. Moscow. 2021. 416 p. In Russian.

Bommes M., Fassmann H., Siewers W. *Migration from the Middle East and North Africa to Europe*. Amsterdam. 2014. 287 p. In English.

Castles S., Wise R. *Migration and Development: Perspectives from the South*. Geneva. 2008. 314 p. In English.

Jaroszevicz M., Lesinska M. *Forecasting migration between the EU, V4 and Eastern Europe*. Warsaw. 2014. 230 p. In English.

Martynenko A. *Salafits in the Republic of Mordovia as Challenge to Russian Identity: Myths and Reality (to the presenting of the problem) // Materials of the XI International Scientific and Practical Conference "Proceedings of Academic Science – 2015".* Vol. 3. Sheffield: Science and Education Ltd. 2015. P. 57–59. In English.

Martynenko A., Shilov N. *Islamic Radicalism in Volga Region: Myth or Reality? // Lo Straniero.* Naples / Italy. 2006. № 43. P. 29–30. In English.

Scipioni M., Urso G. *Migration Policy Indexes.* Ispra (Italy). 2017. 54 p. In English.

Zieba M. *Migration – a challenge to the 21st Century.* Lublin. 2008. 201 p. In English.

Received 19.08.2021

Martynenko Alexander Valentinovich,

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Mordovia State Pedagogical University named after M. E. Evseviev,
11A, Studencheskaya st., Saransk, 430007, Russian Federation,
e-mail: arkanaddin@mail.ru

Orlova Olga Viktorovna,

Candidate of Historical Sciences, Leading Research Fellow,
Mari Research Institute language, literature
and history named after V. M. Vasiliev,
44, Krasnoarmeiskaya st., Yoshkar-Ola, 424036, Russian Federation,
e-mail: marsoc_orlova@mail.ru